

Одной из причин того, что промзинская пристань играла большую роль в хлебной торговле губернии, была ранняя навигация на Суре. Вскрывалась Сура раньше, чем Волга, поэтому навигация на ней открывалась уже во второй половине апреля. В Промзино налаживалось производство речных судов — дощаников, расшив, суряков. Делали их с учетом фарватера реки, так, чтобы осадка их не превышала 70 см. В каждую навигацию с пристаней по Суре отправлялось в среднем от 80 до 150 судов в год. Со временем количество судов возрастало, и в навигацию начала 30-х годов XIX века по Суре прошло уже до 500 судов.

Развитию хлебной торговли способствовало наличие большого количества мельниц, на которых вырабатывалось несколько сортов ржаной и пшеничной муки. Немало ее отсюда поступало в российские города и даже за границу. «Сурский ржаной хлеб, — с похвалой отзывалась «Земледельческая газета», — по доброте своей, соединенной с белизною, может почитаться одним из первых в России». Расшивы с сурским хлебом ходили в Нижний Новгород, Калугу, Рязань, Саратов, Астрахань. Кроме хлеба, по Суре сплавлялось мясо, пенька, сальные свечи, лес и другие товары.

В тесной связи со сплавом хлеба по Суре и Волге продолжал развиваться такой вид промысла, как бурлачество. Вполне возможно, что на Суре оно существовало и до первой четверти XVIII века, когда о нем появляется первое упоминание. Бурлачество крестьяне называли «промыслом по нужде». В Алатыре, Промзино и других сурских пристанях проходили бурлацкие базары, где артели бурлаков нанимались на работу к местным и иногородним судовладельцам. В Промзино — центре сурского бурлачества — «ряда» (т.е. найм в бурлаки) проходила ежегодно в конце зимы, по Великому посту. В народе этот день называли сборным воскресеньем. Желающих наняться в

бурлаки приходило видимо-невидимо. Так, в Алатыре в 18 веке для перевозки торговых грузов ежегодно нанималось в бурлаки от 800 до 1600 человек. Заработок бурлака был незначителен. За пугину от Промзина до Рыбинска (через Васильсурск) — «в продолжении восьми недель ходьбы» — бурлаку платили 34–36 рублей, из которых он отдавал девять рублей за паспорт и 12 рублей за харчи. Спрос на бурлаков стал снижаться позже, с появлением на Волге и Суре «коноводных машин» и паровозов.

Ныне Сура в наших краях по большому счету не судоходна — обмелела. Пожилые люди еще застали времена, когда от Сурского до Алатыря можно было добраться водным путем, а сегодня лишь

моторки рассекают речную гладь, да с лодок-долбленок рыбачат мужики.

Осознают ли люди, какой большой грех взяли они на себя в последние десятилетия, загрязнив Суру химикатами и нечистотами? Губительный процесс засорения реки несколько приостановился лишь тогда, когда закрылись многие предприятия и разорились бывшие колхозы и совхозы.

Как Белая гора стала Никольской

Одно из самых почитаемых в Сурском мест — Никольская гора. Раньше она была известна под названием Белая гора, т.е. состоит из меловой опок и почти лишена растительности. На Белой горе располагался один из первых сторожевых дозоров, успешно отражавший набеги кочевников.

Примерно на рубеже XVI и XVII веков Промзино пережило очередное нашествие: к Суре приблизились кубанские татары. Они были еще на той стороне реки, но, как говорит предание, многочисленностью своей и свирепым видом привели в смятение сторожевых людей Городища и мирных жителей. Вот кубанцы все ближе и ближе и уже готовы переправиться через Суру. Приуныли ратники, казалось, нет спасения, но вдруг видят: враги встали, будто не знали, что им делать. И это стояние на Суре продолжалось несколько

дней. Тогда один из сторожевых людей Промзино, знавший татарский язык, переправился через Суру на лодке и спросил у кубанцев, чего они ждут, почему объята таким страхом и смятением. Те отвечали: «Разве ты не видишь, какая глубокая тьма впереди нас, а во тьме, там, на высокой горе какой-то свет, а в нем стоит какой-то старец, который грозит на нас своим мечом, запрещая нам идти туда! Смотри, воин, рядом со старцем — юноша на белом коне с копьем в руке, готовый ринуться на нас, если мы осмелимся только на один шаг. Так можно ли нам идти туда, когда перед нами вода и тьма и такое грозное явление? Сам бог христианский вступает за это городище! Нет, мы желали бы скорее воротиться назад, но позади нас дремучий лес — таким мы будто и не шли, а теперь не знаем, где пройти».

Воин промзинского гарнизона, увидев все своими глазами, указал кубанцам путь назад. Те с радостью устремились по этому пути в бегство, а видение на Белой горе исчезло. Вернувшись к своим, воин рассказал им все о видении. Тогда все поспешили на гору вслед за ним. Но едва он въехал на вершину горы, как конь его споткнулся, стал пятиться назад, падать на колени. Когда воин сошел с коня, он увидел перед собой образ, обращенный ликом вверх. Люди с благоговением подняли икону с места явления. В изображении на иконе воин узнал того старца, который явился перед полчищами завоевателей. Это был Великий Чудотворец, святитель Николай Мирликийский. Все поселенцы со слезами на глазах благодарили его за избавление Городища от завоевателей.

Весть об этом явлении разнеслась вскоре по всей окрестности. К Промзино-Городищу стали отовсюду стекаться люди. Городище стало заселяться переселенцами из разных мест. Иностранцы-язычники все более переходили в христианскую веру. Так в Промзино да и по всей Руси получило широкое распространение празднование памяти святого Чудотворца Николая Мирликийского, а Белая гора стала называться Никольской.

На протяжении всех последних столетий Никольская гора являлась местом паломничества тысяч людей. К празднованию Николы вешнего (9 мая по старому стилю) в Промзино сходилось до 30 тысяч человек из близлежащих губерний. Сохранились свидетельства, что к Никольской горе шли пешком аж с самого города Киева. «Устало передвигая ноги, кряхтя и стеноя, с молитвой на устах, а в душе с верой в Бога, они шли для того, чтобы приблизиться к Духу Чудотворца Николая, по преданиям когда-то давно освятившего своим Образом благодатные околосурские места», — пишет Николай Нарышкин (Махотин).

Почитаемые родники

В книге Аполлона Коринфского «Народная Русь...» (М., 1901) читаем: «Издrevле у русского народа и всех его родичей славян находятся в большом почитании ключи-родники, выбивающиеся из горных каменных пластов. Возникновение их относится к ударам огненных стрел Ильи-пророка (молнии), почему и слывут они гремечими да святыми. Над такими родниками в обычае устраивать часовни, ставить кресты. К ним в праздники, а также во время бездождия совершаются крестные ходы».

О сурских родниках пишет Николай Нарышкин в «Оде Суре»: «За водными источниками люди старательно, молясь Богу, ухаживали, святые ключи-родники, речки и колодцы постоянно обихаживали, по ним на чужой стороне смертельно тосковали, ими перед странниками хвастались; ими гордились, жили ими. А какие хороводы возле

родной воды под ветлами, берегами, дубами наши предки-сурчане водили!»

В отличие от церквей, промзинским родникам повезло больше — они существуют до сих пор. Самые почитаемые святые источники — у подножия Никольской горы и в лесу, вблизи территории бывшего пионерского лагеря. Недавно около них были сооружены часовни. Ежедневно около родников можно встретить сурчан, пришедших за волшебной святой водой.

Татьяна Каргина,
фото автора.

Фото на стр. 4-5
С. Ойкина и Л. Игонина

